

Пределы комического и языковая игра

Limits of the Comical and Language Game

Сергей Попов¹
Sergey Popov

¹ V. N. Karazin Kharkiv National University
4 Svobody Square, Kharkiv, 61022, Ukraine

DOI: 10.22178/pos.30-6

LCC Subject Category:
PG2001-2826

Received 20.12.2017
Accepted 20.01.2018
Published online
26.01.2018

Corresponding Author:
s.leon.popov@gmail.com

© 2017 The Author. This
article is licensed under a
Creative Commons
Attribution 4.0 License

ВВЕДЕНИЕ

Комическое и языковая игра – понятия пересекающиеся: не все комическое связано с языковой игрой, а в понятии языковой игры комизм – один из признаков.

Автор известной монографии по языковой игре В. З. Санников полагает, что языковая игра представляет собой «отступление от нормы, нечто необычное (даже, по Аристотелю, нечто безобразное)», отступление «намеренное», и – комическое [11, с. 13, 26]. «Комиче-

Аннотация. Статья посвящена изучению пределов комического и их связи с языковой игрой. Анализ положений философских, эстетических и языковых концепций показывает, что ученые признают связь комизма с нарушением нормы, но не могут объяснить, почему нарушение нормы не всегда комично. В статье предпринимается попытка решить теоретическую проблему неясности понятия меры комизма как грани, за которой комическое перестает быть самим собой и, как следствие, прекращает быть существенным признаком языковой игры. Комичность предполагает такое нарушение нормы, которое не выходит за пределы ожидаемых ее нарушений, и именно в этих пределах комизм является существенным признаком языковой игры. Комическое, предполагающее нарушение нормы, которое выходит за пределы ожидаемых ее нарушений, перестает быть комическим, и имеющееся при таком нарушении нормы отсутствие комизма не позволяет говорить о языковой игре.

Ключевые слова: предел; мера; комическое; языковая игра; норма.

Abstract. The article is devoted to the study of the limits of comical things and their connection with the language game. Analysis of the positions of philosophical, aesthetic and linguistic concepts shows that scientists recognize the connection of the comic with a violation of the norm, but cannot explain why the violation of the norm is not always comical. The article attempts to solve the theoretical problem of the ambiguity of the notion of the extent of the comic as a boundary, beyond which the comic ceases to be itself and, as a consequence, ceases to be an essential feature of the language game. Comicality implies such violation of the norm that does not go beyond the expected violations, and it is within these limits that the comic is an essential feature of the language game. The comical things, implying a violation of the norm, which goes beyond the expected violations of it, cease to be comical, and the absence of the comic that is present in such a violation of the norm does not allow us to speak of a language game.

Keywords: limit; extent; the comical; language game; norm.

ское, – по мнению В. З. Санникова, – это такое отклонение от нормы, которое удовлетворяет двум следующим условиям: 1) приводит к возникновению двух содержательных планов (от исходной точки совершается внезапный переход к конечному результату, резко отличающемуся от этой исходной точки); 2) ни для кого в данный момент не опасно, а для воспринимающих шутку даже приятно, поскольку это отклонение вызывает в них, лишенных этого недостатка, чувство превосходства или же (в случае «интеллектуаль-

ных» шуток) довольство по поводу исправности их интеллекта» [11, с. 22]. По убеждению В. З. Санникова, языковая игра есть «уже проведенный (и успешный!) лингвистический эксперимент», проведенный «для усиления выразительности речи, для создания комического эффекта и т. д.» [11, с. 36].

Автор второй известной монографии по языковой игре Б. Ю. Норман тоже называет комичность необходимым признаком языковой игры [7, с. 7–10].

Тем не менее, в понятийной структуре языковой игры и в любых экстралингвистических ситуациях признак комизма остается не вполне определенным: неясным остается понятие меры комизма как грани, за которой комичное перестает быть самим собой, прекращается.

Целью настоящей статьи является выяснение вопроса о пределах комизма и актуальности данного показателя для успешного осуществления языковой игры.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Уже давно в философии, а затем и в эстетике начали различать два вида смеха: речь идет о «смехе собственно комическом, то есть смехе, вызванном чувством смешного, и смехе радостном, витальном, телесном, не имеющим с чувством смешного, с остроумием ничего общего» [6, с. 18–19] А. А. Сычев подтверждает такое разделение смеха, опираясь на историю исследований природы смешного [12, с. 62–63]. Понятно, что в данном случае нас интересует смех комический.

Большой вклад в изучение природы комического внес в свое время французский философ Анри Бергсон, который начинает посвященную этому явлению книгу с констатации трех признаков комического:

1) «Не существует комического вне собственно человеческого. Пейзаж может быть красивым, привлекательным, величественным, невыразительным или безобразным; но он никогда не будет смешным. Если мы смеемся над животным, то потому, что нас поразила в нем свойственная человеку поза или человеческое выражение. Мы можем смеяться над шляпой, но смех наш вызван не куском фетра или соломы, а формой, какую ей придали лю-

ди, то есть человеческим капризом, воплотившимся в ней» [3, с. 11];

2) «По-видимому, комическое может возыметь воздействие, только если коснется совершенно спокойной, уравновешенной поверхности души. Равнодушие — его естественная среда. У смеха нет более сильного врага, чем переживание. Я не хочу сказать, что мы не могли бы смеяться над лицом, вызывающим у нас, например, жалость или даже расположение; но тогда надо на мгновение забыть о расположении, заставить замолчать жалость. В обществе людей, живущих только умом, вероятно, не плакали бы, но, пожалуй, все-таки смеялись бы; тогда как души неизменно чувствительные, настроенные в унисон с жизнью, в которых каждое событие находит отзвук, никогда не узнают и не поймут смеха» [3, с. 12]. Здесь уместно вспомнить написанный А. С. Пушкиным диалог Моцарта и Сальери, когда последний был удивлен и даже раздосадован смехом Моцарта над дилетантским исполнением его музыки, а именно арии из оперы «Дон Жуан, или Наказанный развратник», слепым скрипачом с улицы («И ты смеяться можешь?»): Сальери переполняло постоянно его беспокоящее, вынужденно скрытое от окружающих чувство зависти гениальности Моцарта, из-за чего Сальери и было не до смеха.

3) «Смешное не может оценить тот, кто чувствует себя одиноким. Смех словно нуждается в отклике. ... Место его действия очерчено кругом какой угодно величины, но он всегда остается замкнутым. Наш смех — это всегда смех той или иной группы» [3, с. 13].

А. Бергсон пишет, что если на улице человек споткнется и упадет, это будет смешно, поскольку окружающие его смеющиеся воспримут это как незадачливее непредвидение им вероятности споткнуться [3, с. 14–15]. Автор полагает, что один человек может подшутить над другим человеком, наполнив его чернильницу жидкой грязью, и тогда, окунув перо в чернильницу и увидев потом на конце пера грязь, первый человек окажется в смешном положении, ибо не предвидел такое загрязнение чернильницы [3, с. 15]. Очевидно, аналогично смешон человек, допускающий языковую ошибку из-за незнания, то есть ошибку непреднамеренную. Об этом упоминает В. Я. Пропп [8, с. 104] и подробнее гово-

рит Богдан Дземидок: «Познание комического возникает также при отклонении от общепринятых языковых норм. Неверное произношение, коверканье слов, неправильная конструкция фразы порождают восприятие комического. Смешон также говор или жаргон для тех, кто им не пользуется постоянно либо его совсем не знает» [5, с. 60].

Имеется еще одна возможность вызвать смех: намеренное нарушение норм. А. Бергсон пишет об этом так: «Попросим только читателя припомнить различные уродства, затем разделить их на две группы: с одной стороны, такие, которые природа приблизила к смешному, с другой – те, что далеки от него. Думается, он без труда выведет следующую закономерность: *смешным может быть всякое уродство, которое изобразит правильно сложенный человек*» [3, с. 22].

Ненамеренное и намеренное нарушения норм, которые следуют друг за другом и вызывают смех, особенно показательны у А. С. Грибоедова в «Горе от ума», а именно в рассказе Фамусова о причине успешности придворной карьеры Максима Петровича, который в ответственный момент решил изобразить допущенную им физическую неловкость проделкой шута:

*На куртаге ему случилось обступиться;
Упал, да так, что чуть затылка не пришиб;
Старик заохал, голос хрипкий;
Был высочайше пожалован улыбкой;
Изволили смеяться; как же он?
Привстал, оправился, хотел отдать поклон,
Упал вдругорядь – уж нарочно,
А хохот пуще, он и в третий так же точно.*

Первый раз Максим Петрович, конечно, упал случайно, но второй раз и третий раз – нарочно, причем именно с целью выглядеть комично, поскольку хотел таким шутовским способом снискать расположение при дворе.

Хорошо известно, что намеренными могут быть и нарушения норм языковых [9, с. 238].

А. Бергсон описал множество приемов создания комичных эффектов столкновением разного рода противоречий, но при этом не применил словосочетаний типа «противоречие нормальному положению дел», «противоре-

чие норме». Через всю его книгу проходит метафора рассеянного человека, комичность которого состоит в том, что проявления его поведения не соответствуют правилам поведения социума. Говоря о комизме однообразия повторяющихся действий, автор приходит к такому выводу: «Комическое – это та сторона личности, которой она походит на вещь, те человеческие поступки, которые своей совершенно специфической косностью походят на настоящий механизм, на нечто автоматическое – словом, на движение безжизненное. Оно выражает, следовательно, известное индивидуальное или коллективное несовершенство, требующее немедленного исправления. Смех и есть это исправление» [3, с. 59]. Однако же понятно, что исправления обычно требует то, что не соответствует норме, которую Анри Бергсон называет чем-то «живым», противопоставленным «механическому» [3, с. 60]. Автор фиксирует три вида отношений при комичности кого- или чего-либо: повторение, инверсия и интерференция [3, с. 59–67], – но эти три понятия можно трактовать как повторение нарушения нормы, пользование диаметральной противоположностью нормы как нормой и смешивание нормативного и ненормативного. Говоря о комизме слов, А. Бергсон считает, что «комический эффект получается всякий раз, когда мы делаем вид, что понимаем выражение в собственном смысле, тогда как оно употреблено в переносном» [3, с. 74] (о том же сообщает В. Я. Пропп применительно к каламбуру, парадоксу, иронии [8, с. 94–101]), – однако можно сказать, что данный комизм вызван несоответствием ненормативного понимания метафоры как прямого значения слова нормативному пониманию метафоры как переносного значения слова.

Ни одна концепция комичного не противоречит его пониманию как отклонению от нормы. Так, Л. В. Карасев предлагает считать, что «в глубинах смеха, ярости и страдания лежит – с разного рода оговорками, разумеется, – одна и та же причина, а именно усмотрение, обнаружение различной "меры" зла», из чего дедуктивно выводит, что «смех есть ответ на некую "меру" зла» [6, с. 28]. Автор подчеркивает, что в его концепции зло необходимо понимать максимально широко, по всей видимости как принятое в аксиологии плохое. Такое зло тоже можно понимать как откло-

нение от нормы, которая, с аксиологической точки зрения, находится не между хорошим и плохим (в данном случае – злым), а в зоне хорошего [4, с. 12; 2, с. 235; 1, с. XXXVI–XXXVII]. Понятно, что в древности пределы отклонений от норм были шире: «Исследования в области архаичного смеха наглядно показали, что смех в обрядах и ритуалах достаточно четко соотносился с фазами как смерти, так и возрождения» [12, с. 67]. В самом деле, в Древнем Риме смеялись во время похорон, на Сардинии, смеясь, убивали проживших жизнь стариков, и в эпоху Возрождения смерть изображалась старухой смеющейся, а в Якутии смеяться полагалось рожаящим женщинам [10, с. 2].

Позволяющая объяснять комизм теория отклонения от нормы в науке существует: она восходит к работам немецкого эстетика К. Гросса. Данная теория подвергается заслуженной критике, ибо несложно заметить, что отклонение от нормы комично не всегда, в то время как теория отклонения от нормы это противоречие игнорирует [5, с. 33–38]. Б. Дземидок, проанализировав все существующие на тот момент теории комизма, в том числе теорию А. Бергсона и теорию отклонения от нормы К. Гросса и его последователей, приходит к заключению, что именно теория отклонения от нормы больше, чем какая-либо другая теория, объясняет природу комичного, хотя, к сожалению, не может объяснить случаи отсутствия комизма при отклонении от норм [5, с. 7–60].

На наш взгляд, такое объяснение возможно: отсутствие комизма при отклонении от нормы есть результат выхода такого отклонения за пределы системы ожидаемых отклонений. Например, если человек, нарушив нормы безопасной ходьбы, споткнулся, упал, поднялся и принялся озадаченно отряхиваться, это может считаться комичным, поскольку такой результат предполагается при падении в результате спотыкания. Но если после такого нарушающего нормы безопасной ходьбы падения он не смог встать из-за того, что сломал ногу или, ударившись головой о землю, потерял сознание, то комичным это счи-

таться не может, поскольку такие последствия выходят за пределы системы результатов падений в результате спотыканий (именно в таких случаях возможна нейтрализация второго из показанных А. Бергсоном признаков комизма – «совершенно спокойной, уравновешенной поверхности души» – упомянутым им «сильным врагом комизма»: «переживанием»). Если взрослый носитель русского языка, нарушая его норму, напишет слово *жизнь* через *ы* (*жызнь*), это будет выглядеть комично, так как данное отклонение, нарушая норму, находится в пределах системы известных неправильных написаний этого слова (даже в так называемом «языке паддонков», или «албанском (олбанском) языке», подвергаемые сильнейшим звуковым и буквенным изменениям слова остаются узнаваемыми, поскольку сохраняются в известных пределах). Но если он, тоже нарушая норму, напишет слово *жизнь* как *жхзнь*, это вряд ли вызовет смех, так как выходит за пределы такой системы ожиданий. Нарушающее норму сочетание *гулять ребенка* комично, поскольку, хоть и с нарушением нормы, оно построено в рамках системы управления глаголом беспредложным винительным. Но тоже нарушающее норму сочетание *гулять из ребенке* не комично, поскольку выходит за пределы известных конструкций предложного управления.

ВЫВОДЫ

Таким образом, неясное ранее понятие меры комизма как грани, за которой комичное перестает быть самим собой, можно считать вполне определенным. Комичность предполагает такое нарушение нормы, которое не выходит за пределы ожидаемых ее нарушений, и именно в этих пределах комизм является существенным признаком языковой игры. Комичное, предполагающее нарушение нормы, которое выходит за пределы ожидаемых ее нарушений, перестает быть комичным, и имеющееся при таком нарушении нормы отсутствие комизма не позволяет говорить о языковой игре.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Apresjan, Ju. (2003). Lingvisticheskaĵa terminologija slovarja. In Ju. Apresjan (Ed.), *Novyj ob#jasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo jazyka* [New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms] (2nd ed.) (pp. XXII–LII). Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury (in Russian) [Апресян, Ю. (2003). Лингвистическая терминология словаря. В Ю. Апресян (Ред.), *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка* (2-е изд.) (с. XXII–LII). Москва: Языки славянской культуры].
2. Arutjunova, N. (1988). *Tipy jazykovyh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt* [Types of language values: Evaluation. Event. Fact]. Moscow: Nauka (in Russian) [Арутюнова, Н. (1988). *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт*. Москва: Наука].
3. Bergson, A. (1992). *Smeh* [A Laugh]. Moscow: Iskusstvo (in Russian) [Бергсон, А. (1992). *Смех*. Москва: Искусство].
4. Bierwish, M. (1967). *Some semantic universals of German adjectival*. *Foundations of Language*, 3(1), 1–36.
5. Dzemidok, B. (1974). *O komicheskom* [About the comic]. Moscow: Progress (in Russian) [Дземидок, Б. (1974). *О комическом*. Москва: Прогресс].
6. Karasev, L. (1996). *Filosofija smeħa* [The philosophy of laughter]. Moscow: Rossijskij gumanitarnyj universitet (in Russian) [Карасев, Л. (1996). *Философия смеха*. Москва: Российский гуманитарный университет].
7. Norman, B. (2006). *Igra na granjah jazyka* [Playing on the edges of a language]. Moscow: Flinta (in Russian) [Норман, Б. (2006). *Игра на гранях языка*. Москва: Флинта].
8. Propp, V. (1986). *Problemy komizma i smeħa* [The problems of comic and laughter]. Moscow: Iskusstvo (in Russian) [Пропп, В. (1976). *Проблемы комизма и смеха*. Москва: Искусство].
9. Radbilj, T. (2008). *Innovacionnye processy v leksike i grammatike russkogo Interneta* [Innovative Processes in the Lexis and Grammar of the Russian Internet Language]. *Croatica et Slavica Ladertina*, 4(4), 237–244 (in Russian) [Радбиль, Т. (2008). Инновационные процессы в лексике и грамматике русского Интернета. *Croatica et Slavica Ladertina*, 4(4), 237–244].
10. Rjumina, M. (2010). *Jestetika smeħa: Smeh kak virtual'naja real'nost'* [Aesthetics of laughter: Laughter as virtual reality] (3th ed.). Moscow: LIBROKOM (in Russian) [Рюмина, М. (2010). *Эстетика смеха: Смех как виртуальная реальность* (3-е изд.). Москва: ЛИБРОКОМ].
11. Sannikov, V. (2002). *Russkij jazyk v zerkale jazykovej igry* [Russian language in the mirror of the language game] (2nd ed.). Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury (in Russian) [Санников, В. (2002). *Русский язык в зеркале языковой игры* (2-е изд.). Москва: Языки славянской культуры].
12. Sychev, A. (2003). *Priroda smeħa[,] ili Filosofija komicheskogo* [The nature of laughter [,] or Philosophy of the comic]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta (in Russian) [Сычев, А. (2003). *Природа смеха[,] или Философия комического*. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та].